

УДК 821.111
DOI 10.17223/19986645/36/8

Д.Н. Жаткин

«IN MEMORIAM» АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА В РОССИИ: ВОПРОСЫ ВОСПРИЯТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ¹

В статье впервые осмыслена русская судьба поэмы Альфреда Теннисона «In Memoriam», упоминания о которой появились в отечественной печати еще в 1850-е гг. Прослежены этапы переводческой рецепции «In Memoriam» в России, отмечено, что фрагменты произведения публиковались на русском языке не только как самостоятельные поэтические тексты (Д.Л. Михаловский, Н.М. Минский, Ф.А. Червинский, О.Н. Чюмина, В.В. Набоков, М.Е. Соковнин и др.), но и как «включения» в тексты переводных романов и научных исследований. Впервые поднят вопрос о возможных традициях поэмы А. Теннисона в русской литературе, в частности в поэзии Н.М. Минского, А.А. Ахматовой, В.А. Меркурьевой.

Ключевые слова: А. Теннисон, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, традиция, рецепция, межкультурная коммуникация.

На протяжении последних десятилетий в постсоветской России были созданы полные переводы наиболее значительных и объемных произведений английского поэта викторианской эпохи Альфреда Теннисона (1809–1892), в частности «Королевских идиллий» (перевод В.В. Лунина), «Принцессы» (перевод Э.А. Соловковой), «In Memoriam» (перевод Э.А. Соловковой и новый, пока не опубликованный перевод Т.Ю. Стамовой). Появление названных переводов закономерно поднимает вопрос о необходимости исследования русских судеб конкретных теннисоновских произведений.

«In Memoriam», впервые полностью переведенная Э.А. Соловковой в 2009 г., был упомянут на русском языке еще в 1851 г. в переводной статье Ш.Ф. Мильсанда «Английская поэзия после Байрона. Альфред Теннисон» в «Библиотеке для чтения» [1. С. 88–92]; там же были помещены подстрочные прозаические переводы нескольких фрагментов поэмы (I, III, XIV, XLI, LI). Ш.Ф. Мильсанд отмечал, что у Теннисона «каждая пиеса носит отпечаток волнения, ясно обозначившегося для него и имевшего свой особенный час», причем в целом «In Memoriam» воспринималась им как «история многочисленных фаз, сменявшихся одна за другою в одном и том же горе»: «Чтобы задумать подобное творение, надлежало случиться тому, что может быть не встретится в другой раз: совершенно исключительная сила чувства вместе с умом, в высшей степени привыкшим изучать себя; особенно следовало быть избранным существом, высоко одаренным во всех отношениях, высоко способным сохранять полученное впечатление, не переставая оставаться впечатлительным и открытым для всего» [1. С. 88]. «In Memoriam» оставила у

¹ Исследование осуществлено в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-5818.2015.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция английской поэзии викторианской эпохи в синхронии и диахронии».

Ш.Ф. Мильсанда чувства «умильного волнения и удивления, исполненного очарования»; также критиком указывалось, что в стихах поэта «нет ничего *раздирающего*, ничего вопиющего, никаких корчей, ни спазмов» [1. С. 89]. Ш.Ф. Мильсанд точно определил отличительную особенность «In Memoriam» в сравнении с произведениями авторов-предшественников: «Жажда к справедливости и к прямоте, потребность восходить, идти от высокого еще к высшему, уважение к себе и другим достигают тут до такой высоты, до которой душа человеческая еще не доходила, или, по крайней мере, которую она еще не находила средств передать словами. Прочтя “In Memoriam”, нельзя видеть в особенности, где может остановиться сила удивляться, предпочитать, испытывать эти привязанности и эти уважения, которые означают, что одну вещь чрезмерно отличаешь от других» [1. С. 91].

Возможно, одним из первых на «In Memoriam» обратил внимание известный литературный критик, знаток английской литературы А.В. Дружинин, в дневнике которого содержится следующая запись от 11 октября 1853 г.: «К Некрасову, – произвели чтение о леди Байрон и “In Memoriam”» [2. С. 229]. Относительно прочитанного «о леди Байрон» разъяснение можно найти в более ранней дневниковой записи А.В. Дружинина (от 28 сентября 1853 г.): «<...> я взял стихи на болезнь леди Байрон и между делом перевел их так (с некоторым изменением в конце), что, приехавши в город, отдам их в “Современник”» [2. С. 225]. А вот относительно «In Memoriam» свидетельств самого А.В. Дружинина не осталось. Составители примечаний к дневнику А.В. Дружинина, опубликованному в академической серии «Литературные памятники», Б.Ф. Егоров и В.А. Жданов высказали предположение, что речь идет об элегии «1 апреля 1853 г.» («Еще одна и тяжкая утрата!...»), вызванной кончиной товарища А.В. Дружинина – офицера Финляндского полка П.П. Ждановича; элегия была полностью завершена 1 сентября 1853 г. и опубликована в №5 «Современника» за 1855 г. [3. С. 468–469, 471]. Однако стихотворный перевод из Дж.Г. Байрона, читавшийся в тот день, был опубликован намного раньше, буквально через три месяца после состоявшегося чтения – в №1 «Современника» за 1854 г. [4. С. 11–12], тогда как публикации элегии пришлось ждать полтора года. К тому же в августе 1853 г. А.В. Дружинин интересовался А. Теннисоном, в частности в дневниковой записи от 3 августа 1853 г. сообщал о знакомстве со статьей, посвященной поэмам А. Теннисона: «<...> статья о поэмах Теннисона <...> богата выписками, из которых мне понравилась идиллия “Виллиам и Дора” да еще баллада “Лорд Бюрлей”, размером похожая на гетеву “Баядерку” – один стих женский и один мужской, редкость в английской поэзии. Теннисон есть *умный* поэт, у него parti pris <предвзятость (фр.)> в каждом слове. Не думаю, чтоб он весь мне понравился» [2. С. 205]. Можно предположить, что, заинтересовавшись поэмами А. Теннисона, А.В. Дружинин перевел фрагменты одной из них – «In Memoriam», после чего предложил переводы Н.А. Некрасову, который не мог принять их к публикации, ибо теннисоновская поэма никоим образом не соответствовала направлению его «Современника».

В анонимной статье «Теннисон, современный английский поэт», напечатанной в №5 «Пантеона» за 1853 г., акцентировался значимый для «In Memoriam» мотив утешения: «Утешение – самое сладостное слово для верующего

в вечность. Кажется, что до Теннисона никто еще не описывал эту тэму с таким глубокомыслием. До Бейрона было в английской поэзии больше энтузиазма. После него он охладел. В поэме Теннисона больше мысли, нежели содержания» [5. С. 96]; в текст статьи был включен и подстрочный перевод одного из фрагментов поэмы (LIV). В размышлениях о придворном поэте Теннисоне, увидевших свет в №1 «Современника» за 1861 г., анонимный автор отмечал упадок творчества английского автора, происшедший во многом вследствие получения им статуса поэта-лауреата: после этого события им уже не создавалось «таких глубоко-прочувствованных стихотворений, как <...> целый цикл пьес, написанных в память Артура Галлама, сына известного историка, и названных “In Memoriam”» [6. С. 98].

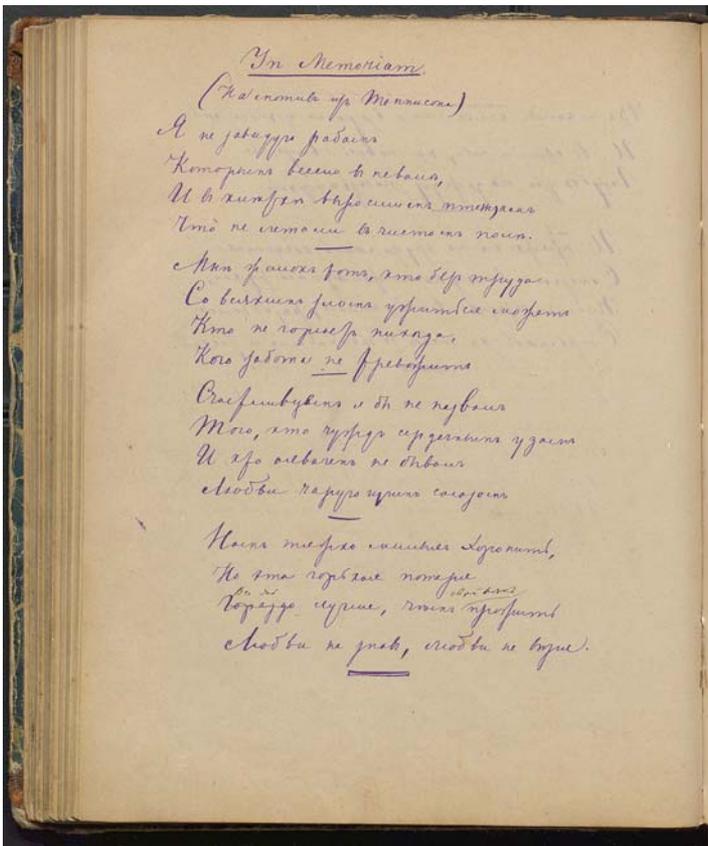

Рис. 1. Автограф первого русского поэтического перевода из «In Memoriam» Альфреда Теннисона, осуществленного в 1883 г. Д.Л. Михаловским (РГАЛИ. Ф. 309. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 106 об.)

В дореволюционной России к «In Memoriam» обращались четыре переводчика – Д.Л. Михаловский (перевод XXVII стихотворения «Я не завидую рабам...», 1883 [7. С. 271]; перевод LXVI стихотворения «Когда постель мою луна...», 1886 [8. С. 42]), Ф.А. Червинский (перевод VII стихотворения «Мрачный дом... О, как часто, смущеньем томим...», 1892 [9. С. 294]),

Н.М. Минский (перевод LXVI стихотворения «Памяти друга» («Когда на ложе сна ко мне луна заглянет...»), 1897 [10. С. 235]) и О.Н. Чюмина (опубликованные в 1901 г. переводы V («Мне кажется почти грехом...»), XXI («Кто спит в земле – тому пою...»), XLIX («Со мною будь в часы тоски...») и L («Всегда ль мы искренно желаем...») стихотворений [11. С. 144–145; 12. С. 413–414]). Анализу этих переводов посвящены наши статьи (в соавторстве с В.К. Черниным), опубликованные в 2009–2012 гг. (см.: [13. С. 172–176; 14. С. 324–328; 15. С. 137–140]). В целом переводы Д.Л. Михаловского из «In Memoriam» отличались ясностью и чистотой языка, экспрессивностью и изяществом, причем переводчику удалось избежать характерного для него во многих других случаях увеличения количества стихов; вместе с тем Д.Л. Михаловский представлял читателям скорее вариации на заданную тему, служившие для выражения собственных мыслей, настроений и эмоций. Так, анализ перевода Д.Л. Михаловского «Я не завидую рабам...» позволил установить, что в переводе символом вольной жизни становится бескрайнее «чистое поле», что соответствует традиции русского устного народного творчества, однако изменяет образную структуру оригинального текста, в котором, в духе традиций английских народных баллад (в том числе и знаменитых произведений о Робин Гуде), вольность ассоциируется с «летними лесами» («summer woods»).

Выполненные Д.Л. Михаловским и Н.М. Минским два перевода LXVI стихотворения цикла «In Memoriam», пронизанного размышлениями о таинстве ночи, сне героя, прерываемом сначала лунным светом, а затем серым сумраком, поочередно вызывающими образ могилы любимого человека, представляют собой два взгляда на теннисоновское произведение, объединенные верным пониманием авторского замысла, но различающиеся толкованием отдельных значимых нюансов, например сохранением образа извечного английского тумана у Н.М. Минского («<...> там мрачный полог свой / Уже вдоль берегов простер туман полночный» [10. С. 235]) и его опущением у Д.Л. Михаловского, более точным воссозданием Н.М. Минским эпизода с могильной плитой, на которой выбиты буквы имени покойного и цифры прожитых им лет, ср.: «Там светится твоя гробница / И надпись грустная на ней, / На белом мраморе страница» (перевод Д.Л. Михаловского; [8. С. 42]) – «А с высоты, где тьма нависла, / Скользит серебристый луч вдоль надписи твоей, / Читая письмена и числа» (перевод Н.М. Минского [10. С. 235]). В переводе Ф.А. Червинского «Мрачный дом... О, как часто, смущеньем томим...», гиперболизировавшем культ дружбы, возникали два мира – реальный («здесь») и потусторонний («там»), во многом противопоставленные друг другу, – если в реальном мире господствовали тоска, темнота, тяжкие мысли, то в потустороннем царил сама жизнь, ставшая для героя «белым призраком»; тем самым русский переводчик выражал одну из главных идей романтизма и во многом воспринявшего его традиции символизма – идею двоемирия, т.е. существования двух реальностей, каким-либо образом связанных между собой. Осуществленные несколько позднее переводы О.Н. Чюминой характеризовались наибольшей точностью в передаче авторской мысли и формы, учетом художественных особенностей английских оригиналов, акцентированием внутренних душевных борений лирического ге-

роя, убежденного в неразрывности внутренней связи между прошлым, настоящим и будущим.

Из публикаций второй половины XIX – начала XX в., посвященных А. Теннисону, следует особо выделить переводную книгу И. Тэна о современной английской литературе, печатавшуюся в России сначала в переводе Д.С. Ивашинцова в 1876 г. под названием «Новейшая английская литература в современных ее представителях» [16], а затем в 1904 г. в переводе с французского П.С. Когана – «История английской литературы. Том V. Современники» [17]. Среди произведений А. Теннисона, осмысленных И. Тэном, – «In Memoriam», длинная поэма на смерть молодого друга, которая «холодна, однообразна и слишком придуманна» [16. С. 297]. По наблюдению И.Тэна, теннисоновский лирический герой, с одной стороны, находится в трауре, глубоко переживает постигшую его утрату, но с другой – «не забывает надеть совершенно новые перчатки, утирает слезы непременно батистовым платком и в продолжение всей церковной службы, заканчивающей печальную церемонию, выказывает сокрушение сердца с полным достоинством хорошо воспитанного светского человека» [16. С. 297]. И. Тэн считал, что тема, лежащая в основе «In Memoriam», не соответствует дарованию А. Теннисона, что последний «должен выбирать свои сюжеты в другой сфере» [16. С. 297]. Другие литературоведы и критики того времени не были солидарны с И. Тэном, в частности, А.И. Кирпичников указывал, что в «In Memoriam» «искусство версификации и постройки поэтической фразы достигает высшей точки своего развития» [18. С. 941]; в переводной книге И. Шерра «Иллюстрированная всеобщая история литературы» «In Memoriam» назван «хотя и глубоко прочувствованной, но сухой и растянутой, а потому однообразной элегией» [19. С. 121]. У. Синклер в книге «Искусство Маммоны», изданной в СССР в 1926 г., говорил об «In Memoriam» как о сочинении, рекомендованном ему духовником, но неожиданно вызвавшим совершенно не ту реакцию, на которую рассчитывал духовник: «Эта поэма не только меня не успокоила, но дала еще много новых оснований для сомнения в бессмертии души, хотя и не убедила меня окончательно, что создатель вселенной, давший мне жизнь, не может тоже дать мне и две. Из всего этого следовало, что я покончил с Теннисоном, так как с религиозной стороны его произведения – это лишь мучительный крик о том, что бессмертие должно быть» [20. С. 165].

Также в 1926 г. В.В. Набоковым был создан перевод LXVI стихотворения «In Memoriam» «Вот лунный луч блеснул на одеяле...», вскоре увидевший свет в эмигрантской печати, но долгое время, вплоть до 2002 г., не публиковавшийся в России [21]. Сохраняя характерную образность английского оригинала, В.В. Набоков вместе с тем изощренно подбирал лексические средства, иначе расставлял акценты в описании: «И вот сиянье плавное слабеет; / Вот на моей постели луч погас. / Смежаю веки утомленных глаз / И сплю, пока окно не посереет» [21. С. 370]. В перспективе имеет смысл проанализировать сочинения В.В. Набокова русского и американского периодов, прежде всего его литературоведческие и публицистические материалы, с целью выявления иных теннисоновских влияний.

Говоря об осмыслении российскими литературоведами XX – начала XXI в. «In Memoriam» Теннисона, обратим внимание на несколько наиболее

значимых высказываний, свидетельствующих как об эволюции отношения к этому произведению Теннисона, так и об изменениях в восприятии творчества английского поэта в целом. Ф.П. Шиллер в 1937 г. характеризовал «*In Memoriam*» как произведение, знаменовавшее переход Теннисона от чувственно-музыкальной лирики, отличавшейся, прежде всего, внешним изяществом, к «идейной» поэзии. Отмечая успех поэмы у современников, разбиравших ее на «крылатые слова», такие как «под честным сомнением скрывается больше веры, чем под половиной всех религиозных уверений», исследователь отмечал содержательную многоплановость произведения, в котором нашлось место и «“честным сомнениям” для скептиков и агностиков», и «восторженным гимнам в честь религии для верующих», и для слов, «рассчитанных на симпатии сторонников эволюционной теории в области естественных наук» [22. С. 155].

А.А. Елистратова, автор опубликованного в 1955 г. раздела о Теннисоне в академической «Истории английской литературы», воспринимала в качестве центрального произведения английского автора «Королевские идиллии», получившие подробную характеристику, тогда как «обширная дидактическая поэма» «*In Memoriam*» была едва упомянута как произведение, сочетавшее «позитивистское “наукообразие” с традиционным христианским благочестием»: «Основной лейтмотив этой поэмы – утверждение веры в загробную жизнь, примиряющей поэта с безвременной утратой близких, – сопровождается слабыми отзвуками сомнений и недоумений в духе позитивистского агностицизма» [23. С. 66]. А.А. Аникст в «Истории английской литературы», опубликованной в 1956 г., отмечал, что в «*In Memoriam*» «получили наиболее полное выражение философские взгляды Теннисона», стремившегося примирить религию с современным научным воззрением на жизнь: «Компромиссные позиции, занятые им, отражали типично буржуазную точку зрения, сочетавшую религиозно-этические принципы с практицизмом. Нельзя сказать, чтобы Теннисон не признавал темных сторон жизни, но основная тенденция поэмы состояла в примирении с существующей действительностью» [24. С. 362].

На протяжении десятилетий фрагменты из «*In Memoriam*» не появлялись в советской печати; исключением стал лишь забытый перевод А.Б. Свириным CVI стихотворения, напечатанный в 1953 г. под названием «Новогодние колокола» в журнале «Молодежь мира» [25. С. 4]. В этом переводе стремление к диалогу с недавними союзниками во Второй мировой войне перерастает в призыв к искоренению лжи, обывательской клеветы и страсти к наживе, к торжеству правды, вечного мира, способного сменить тысячелетнюю эпоху войн: «Прозвоните отходную бедам, / Старым распряг, что терзают мир, / Возвестите дружбу меж людьми, / Доброе доверие к соседям» [25. С. 4].

Выход книги «Европейская поэзия XIX века» в рамках «Библиотеки всемирной литературы» в 1977 г. стал толчком к последующему оживлению интереса как к творчеству Теннисона и викторианской поэзии в целом, так и конкретно к «*In Memoriam*». Из пяти новых переводов, вошедших в эту книгу, один – перевод М.Е. Соковнина «Когда луна на полог мне...» – имел в качестве первоисточника LXVII стихотворение цикла «*In Memoriam*» [26. С. 75]. К моменту публикации перевода М.Е. Соковнина уже не было в жи-

вых: талантливый представитель русского постмодернизма безвременно скончался в 1975 г. А. Теннисон принадлежал к числу самых любимых писателей М.Е. Соковнина, из него он перевел несколько стихотворений и поэм (см.: [27. С. 84–87]), которые остаются неопубликованными по сей день, несмотря на то, что «возвращение» М.Е. Соковнина как прозаика, автора оригинальной поэзии состоялось еще в 1990-е гг.

Только в постсоветское время восприятие «In Memoriam» было очищено от идеологической предвзятости. В частности, в главе о Теннисоне, написанной Л.В. Сидорченко для нового учебника по истории западноевропейской литературы XIX в., «In Memoriam» рассматривается как сюжетный цикл, в основе которого – история пережитой трагедии, призванная отразить душевную драму автора. Поначалу боль утраты невыносима, и поэт сочиняет стихи, которые, подобно наркотику (сравнение из V стихотворения), способны ослабить ощущение потери; однако, будучи религиозным человеком, он приходит к пониманию того, что друг счастлив в ином мире, что основная трагедия осталась с теми, кто проводил усопшего в последний путь и теперь не может обрести гармонию, внутреннее равновесие. Элегический характер первых стихотворений цикла усиливал также характерный «осенний» колорит, на смену которому пришли иные реалии – светлый праздник Рождества, в канун которого лирический герой обретает часть утраченной душевной силы, находит в себе мужество поблагодарить судьбу за испытанную боль (стихотворение XXVII) и пропеть рождественскую песню, исполнявшуюся год назад вместе с другом, а потому вызывавшую теплые воспоминания (стихотворение XXX). По наблюдению Л.В. Сидорченко, ключевыми для дальнейшего развития цикла становятся стихотворения XXXI и XXXII, «представляющие собой вариацию на тему воскрешения Лазаря и служащие прологом к серии стихотворений, посвященных излюбленной романтиками философской проблеме соотношения сна и смерти» [28. С. 219], особенно глубоко осмысленной в стихотворениях XLIII и LXVIII. Смерть оказывается способна освободить дух от телесной оболочки, разрушить возможность физического общения человека с друзьями, но не может положить конец духовной связи: «<...> искренняя любовь к другу стала источником страданий, очистивших душу и возвысивших ее до такой степени, что она может надеяться на установление незримых уз с душой покойного. Укрепляясь в вере, поэт обретает утраченное равновесие, определяющее торжественный, гимнический финал цикла, исполненный верой в духовный прогресс человечества» [28. С. 219].

Среди многочисленных переводчиков 1980–2000-х гг., обращавшихся к творчеству А. Теннисона, только Г.М. Кружков перевел несколько фрагментов из «In Memoriam» – стихотворения V («Порой мне кажется: грешно...»), VII («Дом пуст. К чему мне тут стоять...»), XI («Как тихо, Господи, вокруг!...»), LIV («О да, когда-нибудь потом...»), CIV («Подходит к Рождеству зима...»), причем эти переводы многократно републиковались, в частности, были включены в сборник переводов из А. Теннисона «Волшебница Шалотт и другие стихотворения» [29. С. 151–157, 161], в авторский сборник переводчика «Пироскаф: из английской поэзии XIX века» [30. С. 351–353], в первый том двухтомника «Избранных переводов» Г.М. Кружкова, выпущенного издательством «ТЕРРА – Книжный клуб» в 2009 г. [31. С. 340–343]. Свое от-

ношение к «In Memoriam» переводчик выразил во вступительной статье к книге А. Теннисона «Волшебница Шалотт и другие стихотворения». Отмечая споры науки, проделывавшей «дыры в религиозной картине мира», и богословия, которое «эти дыры и прорехи латало и заштопывало», Г.М. Кружков уточнял, что эти споры закончились в XX в., когда «христианин сошелся с агностиком в том, что “наука – особая статья, а религия – особая статья”», в связи с чем ему, с современных позиций, представлялись «странными» настойчивые устремления Теннисона «представить себе состояние человека после смерти и понять, сразу ли начинается другая жизнь или какое-то время умершие пребывают в “междужизненных потемках»» [32. С. 15–16]. Также переводчику сложно следовать за А. Теннисоном, когда тот, пережив интеллектуальный шок, пытается «переварить новые открытия, пошатнувшие прежние представления о происхождении человека и его месте во Вселенной», однако он вполне солидарен с поэтом, когда тот, «оттолкнувшись от рационального берега, отдается на волю своего горя и печали» [32. С. 16]. Приводя две точки зрения на «In Memoriam», согласно одной из которых (Э. Фицджеральд) «автор слишком долго растревал свое горе, сплетая себе терновый венок и рассматривая под микроскопом свою печаль», согласно другой (Т.С. Элиот) «нельзя выковыривать из этой книги изюм хрестоматийных строф, пренебрегая остальными», ибо это связный лирический дневник, «вершинное достижение Теннисона, его патент на бессмертие», – Г.М. Кружков не решает судить об их правильности или ошибочности, высказывая лишь свое личное отношение к теннисоновскому произведению: «“In Memoriam” впечатляет величиим замысла, отдельными замечательными местами. И все-таки мне больше нравятся “Улисс” и “Тифон”, написанные в первый год после смерти Хэллема и выражающие те же скорбные чувства, хотя и не впрямую. Может быть, как раз в этой окольности, “ненарочности” всё дело?» [32. С. 16–17].

В 2008 г. в Московском государственном университете была защищена кандидатская диссертация Л.М. Павшук «Творчество Альфреда Теннисона: аспекты поэтики», в которой впервые рассмотрен ряд вопросов, значимых для понимания мировосприятия Теннисона и его художественного творчества: соотношение в поэзии Теннисона субъективного и объективного начал, место мифологии и специфика элегических мотивов в произведениях поэта, проблема традиционного и принципиально нового у Теннисона и др. Размышляя об элегическом начале, значимом для «In Memoriam» (своеобразной смеси элегии и исповеди) и некоторых других сочинений Теннисона, Л.М. Павшук акцентировала провозглашенный английским поэтом культ прошлого, которое имело более весомое значение в сравнении с неудовлетворительным настоящим и пугающим будущим, характеризовала воспоминания и сны как некие связующие звенья между поэтом и его прошлым, указала в качестве одной из основных задач Теннисона преодоление отчаяния, возникавшего от осознания бессмысленности жизни, неизбежно заканчивавшейся смертью, посредством провозглашения жизнеутверждающей философии, предполагающей бесконечный поиск истинных ценностей (см.: [33]).

Интересно отметить, что фрагменты из «In Memoriam» А. Теннисона в разные годы публиковались не только как самостоятельные поэтические тек-

сты, но и использовались в качестве «включений» в тексты переводных романов и научных исследований. Так, в романе Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» в переводе А.В. Кривцовой приводится такой фрагмент теннисоновского произведения: «Вот молится сестра твоя... / Ей веру детскую и рай / Оставь, и ей ты не смущай / Простую радость бытия!» [34. С. 177]. В более раннем переводе этого романа, осуществленном В.М. Спасской и опубликованном с продолжением в книгах IV–VIII журнала «Русская мысль» под названием «Тесс, наследница д'Эрбервиллей» [35], эпизод, предполагавший цитирование стихов Теннисона, был опущен. Вместе с тем сохранилась и в 1978 г. была опубликована М.П. Алексеевым переписка В.М. Спасской с Т. Гарди, из которой можно узнать мнение переводчицы о Теннисоне («Что касается Теннисона, то я читала и перечитывала многие из его мелких стихотворений и восхищалась теми, в которых он остается поэтом для самого себя, не лауреатом» [36. С. 92]), а также увидеть, что Т. Гарди подробно разъяснил В.М. Спасской источники поэтических цитат, вошедших в роман, в частности, указал, что строка «Leave thou thy sister when she prays» взята из «In Memoriam»: «...from his finest poem, entitled “In Memoriam”» [36. С. 101]. В исследовании В.П. Цурюпа «Флористические образы в английской поэзии» (2013), представляющей собой интересную разработку значимой научной темы, «In Memoriam» оказывается «своеобразной траурной литургией по целому поколению», в которой символами тоски становятся стройные высокие деревья, напоминающие «своей густой листвой и траурной тенью на траве <...> о невозвратных утратах» [37. С. 71]; в той же книге для иллюстрации своих размышлений исследовательница приводит выполненный ею же перевод LXXXIX стихотворения из «In Memoriam»: «Волшебник-вяз поляну застелил / Узорным черно-белым покрывалом, / Платан высокий, словно опалом, / Ее листвой густою осенил» [37. С. 119].

Э.А. Соловкова, опубликовавшая в 2009 г. первый полный перевод «In Memoriam» на русский язык [38. С. 92–168], сопроводила публикацию вступительной статьёй, в которой наряду с широко известными сведениями об обстоятельствах создания поэмы, ее адресате и структуре представила попытку анализа теннисоновского произведения, акцентировав психологически точное отслеживание тончайших нюансов чувств человека, пережившего утрату, сильнейшее психологическое потрясение, приведшее к растерянности и разочарованию в жизни. У лирического героя, по наблюдению Э.А. Соловковой, возникают сомнения в Высшей справедливости, которые он стремится побороть, проходя по пути боли и противоречий, размышляя о том, что находится на грань земного существования, обращаясь в поисках ответов на вопросы к небесным светилам, к земной природе, к искусству, к философии, к Богу. Проходит три года, и герой смиряется со смертью друга, – время оказывается его целителем: «От пессимистических восклицаний типа “О жизнь, вся в хрупкости и тщете!” он переходит к рассуждениям, что “все имеет цельность, / и что не гибнут просто так: / подобно мусору, никак / не канут просто в пустоту”». В конце поэмы герой укрепляется в своей мысли о высоком предназначении человека и бессмертии его духа» [39. С. 12]. Переводчица видит еще одного героя поэмы – Любовь, причем в разных ее ипостасях: это Любовь к Богу, к другу, к жизни (несмотря на весь ее трагизм), к нашему «зе-

леному шару», «планете света», созданной Богом. Кульминационным моментом поэмы Э.А. Соловкова называется известное по переводу А.Б. Свирина «Новогодние колокола» [25. С. 4] обращение к рождественским колоколам в CVI стихотворении, звучащее «как своего рода завещание с мечтой о том, что в будущем “в мире победит добро – пускай не скоро и не сразу” [39. С. 13]. В эпилоге поэмы Э.А. Соловкова показывает лирического героя укрепившимся верой в то, что его друг ушел в Божьи чертоги, стал ближе к истокам и смыслу творения: «Мой друг – у Божьего чертога; / А Бог – бессмертный и единый, / Далекий, любящий и дивный; / И все творение – для Бога» [38. С. 168].

До недавнего времени перевод Э.А. Соловковой оставался единственным полным русским прочтением «In Memoriam», однако в 2015 г. стало известно о завершении работы над полным переводом поэмы Т.Ю. Стамовой. Публикация перевода Т.Ю. Стамовой, намеченная в серии «Литературные памятники», обещает стать поворотным событием в русской судьбе «In Memoriam» – закономерным итогом всего пройденного пути и вместе с тем той значимой точкой, от которой будут отталкиваться все исследователи и переводчики этого произведения в последующие десятилетия.

Повлияла ли поэма «In Memoriam» на русскую литературу? На этот вопрос нет однозначного ответа; можно пытаться найти какие-то отдаленные переключки, выстроить параллели, увидеть единство мотивов, но аргументировать влияние вряд ли удастся. Пожалуй, наибольшее влияние теннисоновской поэмы могли испытать в своем оригинальном творчестве русские поэты-переводчики, активно обращавшиеся к осмыслению английской поэзии XIX в. В этом контексте представляются, в частности, неслучайными строки В.А. Меркурьевой, много переводившей в 1930-е гг. Д.Г. Байрона, П.Б. Шелли и др., в стихотворении «Могила неизвестного поэта» (1933): «Принят прах – не крематорием, / Не Ваганьковым, безвестно чей, / Без надписи in memoriam, / Без венков, но и без речей» [40. С. 342]. Свой цикл «In Memoriam», включающий четыре стихотворения, создал около 1922 г. Н.М. Минский [41. С. 255–257], известный своими переводами из Теннисона, в том числе и из теннисоновского «In Memoriam»; по предположению С.В. Сапожкова, цикл посвящен памяти умершей в Париже в июле 1920 г. жены Н.М. Минского – поэтессы Л.Н. Вилькиной [42. С. 403]. Наконец, у А.А. Ахматовой есть стихотворение «А вы, мои друзья последнего призыва!..», датированное августом 1942 г.; первоначально, в № 2 журнала «Знамя» за 1945 г. оно было напечатано без названия, однако уже в книге «Избранных стихов» (1946) А.А. Ахматовой название появилось – «In Memoriam» (см.: [43]); были ли в данном случае ассоциации с А. Теннисоном – однозначно ответить невозможно, особенно учитывая, с одной стороны, усиление интереса к литературам стран-союзниц антигитлеровской коалиции в военные и первые послевоенные годы, с другой – отсутствие установленных реминисценций и традиций творчества А. Теннисона, упоминаний его имени и названий его произведений в ахматовских сочинениях, с третьей – выявленную П.Ю. Барсковой и Т.Н. Поздняковой в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в архиве переводчицы С.К. Островской (ф. 1448, ед. хр. 173, л. 1–3), ныне почти забытой и известной только в качестве агента спецслужб, осуществлявшего наблюдение за А.А. Ахматовой, карандашную за-

пись о встрече с А.А. Ахматовой 16 февраля 1945 г., завершающуюся словами: «Кстати, не любит Tennyson. Пьем чай. Водка» [44. С. 682].

Несмотря на наличие ряда значительных работ, опубликованных в последние десятилетия [45–47], к настоящему времени с достаточной полнотой изучена лишь переводческая рецепция А. Теннисона в дореволюционной России, тогда как проблемы восприятия произведений английского автора русскими литературоведами и литературными критиками, традиции его творчества в русской литературе еще нуждаются в осмыслении; также не изучена деятельность русских переводчиков советского и постсоветского времени, создававших новые прочтения теннисоновских текстов. Несомненную пользу может принести впервые предпринятое в данной статье изучение локальных тем, связанных с осмыслением русской судьбы отдельных произведений Теннисона (на примере «In Memoriam»), а также с проникновением образов теннисоновского мира в творчество конкретных русских писателей. Многие переводы из Теннисона, выполненные русскими поэтами эпохи Серебряного века, 1940-х – первой половины 1950-х гг., представителем русского постмодернизма М.Е. Соковниным, продолжают оставаться неизвестными, забытыми, считаются утраченными, что актуализирует работу по выявлению и опубликованию текстов. В свое время из поэмы А. Теннисона «Улисс» В.А. Каверин взял девиз главного героя романа «Два капитана» (1938–1944) Сани Григорьева, мечтавшего о далеких путешествиях, – «Бороться и искать, найти и не сдаваться!». Эти слова, удивительно емко характеризующие путь исканий и обретений, пройденный самим Теннисоном, могут быть отнесены и к трудам исследователей его произведений, которых ждет еще немало неожиданных открытий.

Литература

1. *Мильсанд*. Английская поэзия после Байрона. Альфред Теннисон // Библиотека для чтения. 1851. №10, отд. 3. С. 71–95.
2. *Дружинин А.В.* Повести. Дневник / изд. подгот. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. М.: Наука, 1986. 510 с.
3. *Егоров Б.Ф., Жданов В.А.* Примечания // Дружинин А.В. Повести. Дневник / изд. подгот. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. М., 1986. С. 459–490.
4. *Байрон Дж.Г.* «Страдала ты – и не был я с тобою!..»: (Стихи, написанные при получении известия о болезни леди Байрон) / пер. Л. <А.В.Дружинина> // Современник. 1854. №1, отд. 1. С. 11–12.
5. *Теннисон*, современный английский поэт // Пантеон. 1853. №5. С. 93–97.
6. *Мелкие заметки* // Современник. 1861. Т. 85. №1, отд. 2. С. 91–102. Из содерж.: <Придворный поэт Теннисон>. С. 97–98.
7. *Теннисон А.* In Memoriam («Я не завидую рабам...») / пер. Д.Л. Михаловского // Дело. 1883. №12. С. 271.
8. *Теннисон А.* In Memoriam («Когда постель мою луна...») / пер. Д.Л. Михаловского // Живописное обозрение. 1886. № 29. С. 42.
9. *Теннисон А.* «Мрачный дом... О, как часто, смущеньем томим...» / пер. Ф.А. Червинского // Всемирная иллюстрация. 1892. №16. С. 294.
10. *Теннисон А.* Памяти друга / пер. Н.М. Минского // Мир божий. 1897. №4. С. 235.
11. *Теннисон А.* In Memoriam (1. «Мне кажется почти грехом...»; 2. «Со мною будь в часы тоски...»; 3. «Всегда ль мы искренно желаем...») / пер. О.Н. Чюминой // Мир божий. 1901. №8. С. 144–145.
12. *Теннисон А.* «Кто спит в земле – тому пою...» / пер. О.Н. Чюминой // Васильки: Лит.-худож. сб. СПб., 1901. С. 413–414.

13. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. 2009. № 4. С. 172–176.
14. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л. Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестн. Сев.-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. 2012. №1. С. 324–328.
15. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «In Memoriam» Альфреда Теннисона в переводческой интерпретации Ф.А. Червинского и О.Н. Чюминой // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2010. №2. С. 137–140.
16. Тэн И. Новейшая английская литература в современных ее представителях / пер. Д.С. Ивашинцова. СПб., 1876. 385 с.
17. Тэн И. История английской литературы. Т. 5: Современники / пер. с фр. П.С. Когана. М., 1904. 335 с.
18. Кирпичников А.И. Очерк истории литературы XIX столетия // Всеобщая история литературы / сост. по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов; под ред. В.Ф. Корша, А.И. Кирпичникова. СПб., 1892. Т. 4. С. 555–1048.
19. Шерр И. Иллюстрированная всеобщая история литературы: в 2 т. / пер. под ред. П.И. Вейнберга. М., 1898. Т. 2. 612, LXI с.
20. Синклер У. Искусство Маммоны: Опыт экономического исследования. Л.: Прибой, 1926. 278 с.
21. Набоков В.В. In Memoriam («Вот лунный луч блеснул на одеяле...») // Набоков В.В. Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М.Э. Маликовой. СПб.: Академический проект, 2002. С. 369–370.
22. Шиллер Ф.П. История западноевропейской литературы нового времени: в 3 т. 2-е изд. М.: ГИХЛ, 1937. Т. 2. 431 с.
23. Елистратова А.А. Писатели-викторианцы. §5. Теннисон // История английской литературы: в 3 т. (5 вып.). М., 1955. Т. 2. Вып. 2. С. 64–69.
24. Аникст А.А. История английской литературы. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. 484 с.
25. Теннисон А. Новогодние колокола / пер. А.Б. Свирина // Молодежь мира. 1953. №12. С. 4.
26. Теннисон А. Логофаги / пер. Г.М. Кружкова; «Когда луна на полог мне...» / пер. М.Е. Соковнина; Годива / пер. И.А. Бунина; К***, после прочтения «Жизни и писем» / пер. Г.М. Кружкова; У моря / пер. С.Я. Маршака; «В чем, в чем причина этих странных слез?..» / пер. В.В. Рогова; Тифон / пер. А.Я. Сергеева // Европейская поэзия XIX века / вступ. ст. С.А. Небольсина; сост. В. Богачева, И. Бочкаревой, С. Великовского и др. М., 1977. С. 74–82.
27. Кулаков В.Г. Альфред Теннисон в переводах Михаила Соковнина // Кулаков В.Г. Поэзия как факт: статьи о стихах. М., 1999. С. 84–87.
28. Сидорченко Л.В. Альфред Теннисон // История западноевропейской литературы. XIX век. Англия / под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. СПб.; М., 2004. С. 214–223.
29. Теннисон А. Волшебница Шалотт и другие стихотворения / сост. и предисл. Г.М. Кружкова. М.: Текст, 2007. 400 с.
30. Кружков Г.М. Пироскаф: из английской поэзии XIX века. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. 688 с.
31. Кружков Г.М. Избранные переводы: в 2 т. / вступ. ст. Б. Романова, коммент. Г. Кружкова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 1. 512 с.
32. Кружков Г.М. «Я слышу голос, говорящий в ветре!»: Жизнь и поэзия Альфреда Теннисона // Теннисон А. Волшебница Шалотт и другие стихотворения / сост. и предисл. Г.М. Кружкова. М.: Текст, 2007. С. 10–41.
33. Павшок Л.М. Творчество Альфреда Теннисона: аспекты поэтики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 219 с.
34. Гарди Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей. Джуд Незаметный: Романы. М.: Худож. лит., 1970. 783 с.
35. Гарди Т. Тэсс, наследница д'Эрбервиллей: роман / пер. с англ. В.М. С<пасской> // Русская мысль. 1893. Кн. 3. С. 43–82; Кн. 4. С. 43–75; Кн. 5. С. 28–84; Кн. 6. С. 33–115; Кн. 7. С. 110–188; Кн. 8. С. 16–75.
36. Алексеев М.П. Переписка Томаса Гарди с его русской переводчицей // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 85–108.

37. Цурюпа В.П. Флористические образы в английской поэзии. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчат. гос. ун-та им. Витуса Беринга, 2013. 196 с.
38. Теннисон А. Избранное / пер. с англ. Э.А. Соловковой. СПб.: Европейский Дом, 2009. 242 с.
39. Соловкова Э.А. Предисловие переводчика // Теннисон А. Избранное / пер. с англ. Э.А. Соловковой. СПб.: Европейский Дом, 2009. С. 5–14.
40. Меркурьева В.А. Могила неизвестного поэта // Меркурьева В.А. Тщета: Собрание стихотворений. М., 2007. С. 342–343.
41. Минский Н.М. In Memoriam // Русские символисты: Н. Минский, А. Добролюбов / вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. А.А. Кобринского, С.В. Сапожкова. СПб., 2005. С. 255–257.
42. Сапожков С.В. Примечания [к разделу «Н.М. Минский»] // Русские символисты: Н. Минский, А. Добролюбов / вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. А.А. Кобринского, С.В. Сапожкова. СПб., 2005. С. 318–474.
43. Ахматова А.А. Избранные стихи. М.: Правда, 1946. 48 с.
44. Барскова П.Ю., Позднякова Т.Н. Комментарии // Островская С.К. Дневник / подгот. текста и коммент. П.Ю. Барсковой, Т.С. Поздняковой. М., 2013. С. 615–699.
45. Гиривенко А.Н. Альфред Теннисон в России: к истории восприятия // Материалы по истории русской культуры XIX–XX вв. Брянск, 1993. С. 21–32.
46. Чернин В.К. Альфред Теннисон и Россия: Из истории международных литературных связей. М.: Флинта; Наука, 2009. 540 с.
47. Альфред Теннисон в русских переводах XIX – начала XX века / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и библиограф. справка Д.Н. Жаткина и В.К. Чернина. М.: Флинта: Наука, 2014. 714 с.

“IN MEMORIAM” BY ALFRED TENNYSON IN RUSSIA: ISSUES OF RECEPTION AND STUDY.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 4(36), pp. 101–115. DOI 10.17223/19986645/36/8
Zhatkin Dmitriy N., Penza State Technological University (Penza, Russian Federation). E-mail: ivb40@yandex.ru

Keywords: A. Tennyson, poetry translation, Russian-English literature relations, tradition, reception, intercultural communication.

A detailed study of general problems of Alfred Tennyson's poetry in Russian translation reception and appearance of full translations of “*Idylls of the King*” (V.V. Lunin), “*The Princess*” (E.A. Solovkova), “*In Memoriam*” (E.A. Solovkova, T.Yu. Stamova) at the beginning of the 21st century actualize issues connected with the research of the Russian fate of specific Tennyson's works. The first responses to “*In Memoriam*” in the Russian press appeared right after the publication of this poem in England in 1850 and contained not only comparison of “*In Memoriam*” and works of writers-predecessors which allowed to see distinctive peculiarities of the poem, but also interlinear prosaic translations of some fragments. Several fragmentary poetic translations of “*In Memoriam*”, made in pre-revolutionary Russia by D.L. Mikhailovskiy, F.A. Chervinskiy, N.M. Minskiy and O.N. Chumina; in 1926 by V.V. Nabokov, in 1953 by A.B. Svirin were not able to give the reader the whole impression of the advantages of Tennyson's poem, its peculiar artistic features. During the soviet period, ideas of the researchers of “*In Memoriam*” underwent significant evolution: it was interpreted as evidence of the poet's transition from music-sensual to “ideological” lyric poetry (F.P. Schiller), or as a combination of positivist sciolism and traditional Christian piety (A.A. Elistratova), or as expression of striving for reconciliation of religious and scientific life-views (A.A. Anikst). The present-day period of Tennyson's work interpretation started in 1977 with the talented representative of Russian postmodernism M.E. Sokovnin's translation “When the moon on my bed-curtains . . .” and is connected with the names of translators G.M. Kruzhkov, E.A. Solovkova, T.Yu. Stamova, researchers L.V. Sidorchenko, L.M. Pavshok and others. Fragments of “*In Memoriam*” were published in the Russian language not only as independent poetic texts, but also as ‘inclusions’ in the texts of translated novels and scientific research. It is also possible to speak about traditions of Tennyson's “*In Memoriam*” in a number of poetic works, particularly, in a four-part cycle “*In Memoriam*” by N.M. Minskiy (c. 1922), in poems by V.A. Merkuryeva “*Unknown Poet's Grave*” (1933) and A.A. Akhmatova “*And you, my dear friends, ones of the last selection!*” (1942). The article not only sums up past years research but also aims at prospects of further work, among them to bring to light and publish unknown and forgotten texts of translations, study the peculiar features of Tennyson's characters in the works of particular writers, attract specific attention to the creative work traditions of the English poet in Russian literature, etc.

References

1. Milsand. (1851) Angliyskaya poeziya posle Bayrona. Al'fred Tennyson [English poetry after Byron. Alfred Tennyson]. *Biblioteka dlya chteniya*. 10. Pt. 3. pp. 71–95.
2. Druzhinin, A.V. (1986) *Povesti. Dnevnik* [Tales. Diary]. Moscow: Nauka.
3. Egorov, B.F. & Zhdanov, V.A. Primechaniya [Notes]. In: Druzhinin, A.V. (1986) *Povesti. Dnevnik* [Tales. Diary]. Moscow: Nauka.
4. Byron, G.G. (1854) “Stradala ty – i ne byl ya s tobou!..” (Stikhi, napisannyye pri poluchenii izvestiya o bolezni ledi Bayron) [Verses written on the news of the illness Lady Byron]. Translated from English by L. <A.V. Druzhinin>. *Sovremennik*. 1. Pt. I. pp. 11–12.
5. Anon. (1853) Tennyson, sovremennyy angliyskiy poet [Tennyson, a modern English poet]. *Panteon*. 5. pp. 93–97.
6. Anon. (1861) Melkie zametki [Small notes]. *Sovremennik*. 85, 1. Pt. II. pp. 91–102.
7. Tennyson, A. (1883) In Memoriam (“Ya ne zaviduyu rabam...”) [In Memoriam]. Translated from English by D.L. Mikhailovskiy. *Delo*. 12. p. 271.
8. Tennyson, A. (1886) In Memoriam (“Kogda postel' moyu luna...”) [In Memoriam]. Translated from English by D.L. Mikhailovskiy. *Zhivopisnoe obozrenie*. 29. p. 42.
9. Tennyson, A. (1892) “Mrachnyy dom... O, kak chasto, smushchen'em tomim...” [In Memoriam]. Translated from English by F.A. Chervinskiy. *Vsemirnaya illyustratsiya*. 16. p. 294.
10. Tennyson, A. (1897) Pamyati druga [In Memoriam A.H.H.]. Translated from English by N.M. Minskiy. *Mir bozhii*. 4. p. 235.
11. Tennyson, A. (1901) In Memoriam. Translated from English by O.N. Chyumina. *Mir bozhii*. 8. pp. 144–145. (In Russian).
12. Tennyson, A. (1901) “Kto spit v zemle – tomu poyu...” [“I sing to him that rests below”]. Translated from English by O.N. Chyumina. In: *Vasil'ki: Literaturno-khudozhestvennyy sbornik* [Vasilki: Literary and artistic compilation]. St. Petersburg: tip. A.F. Marksa.
13. Chernin, V.K. & Zhatkin, D.N. (2009) The poetic cycle of Alfred Tennyson “In Memoriam” in early Russian translations of the 19th and the beginning of the 20th century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Russkaya filologiya – Bulletin MSRU. Series “Russian Philology”*. 4. pp. 172–176. (In Russian).
14. Chernin, V.K. & Zhatkin, D.N. (2012) D.L. Mikhailovsky as an interpreter of fragments from Alfred Tennyson's poetic cycle “In Memoriam”. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova – Vestnik of NOSU*. 1. pp. 324–328. (In Russian).
15. Chernin, V.K. & Zhatkin, D.N. (2010) “In Memoriam” Al'freda Tennysona v perevodcheskoy interpretatsii F.A. Chervinskogo i O.N. Chyuminoy [“In Memoriam” by Alfred Tennyson in the translations of F.A. Chervinskiy and O.N. Chyumina]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya Obshchestvennye nauki*. 2. pp. 137–140.
16. Ten, I. (1876) *Noveyshaya angliyskaya literatura v sovremennykh ee predstavitel'yakh* [Newest English literature in its modern representatives]. Translated by D.S. Ivashintsov. St. Petersburg: tip. M.M. Stasyulevicha.
17. Ten, I. (1904) *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Translated from French by P.S. Kogan. V. 5. Moscow: Tovarishestvo tip. A.I. Mamontova.
18. Kirpichnikov, A.I. (1892) Ocherk istorii literatury XIX stoletiya [Outline of the history of literature of the 19th century]. In: Korsh, V.F. & Kirpichnikov, A.I. (eds.) *Vseobshchaya istoriya literatury* [General history of literature]. V. 4. St. Petersburg: izd. K.L. Rikhera.
19. Sherr, I. (1898) *Illyustrirovannaya vseobshchaya istoriya literatury* [Illustrated Universal History of Literature]. V. 2. Moscow: izd. D.V. Baykova.
20. Sinclair, W. (1926) *Iskusstvo Mammony: Opyt ekonomicheskogo issledovaniya* [Mammonart: Experience of Economic Research]. Leningrad: Priboy.
21. Nabokov, V.V. (2002) In Memoriam (“Vot lunnyy luch blesnul na odeyale...”) [In Memoriam]. In: Nabokov, V.V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
22. Schiller, F.P. (1937) *Istoriya zapadno-evropeyskoy literatury novogo vremeni* [History of Western European literature of modern times]. 2nd ed. V. 2. Moscow: GIKhL.
23. Elistratova, A.A. (1955) Pisateli-viktoryantsy. §5. Tennyson [Victorian Writers. §5. Tennyson]. In: Anisimov, I.I. (ed.) *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. V. 2. Is. 2. Moscow: USSR AS.
24. Anikst, A.A. (1956) *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR.
25. Tennyson, A. (1953) Novogodnie kolokola [“Ring Out, Wild Bells”]. Translated from English by A.B. Svirin. *Molodezh' mira*. 12. p. 4.

26. Tennyson, A. (1977) [Poems]. In: Bogachev, V. et al. *Evropeyskaya poeziya XIX veka* [European poetry of the 19th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
27. Kulakov, V.G. (1999) Al'fred Tennyson v perevodakh Mikhaïla Sokovnina [Alfred Tennyson in translations by M. Sokovnin]. In: Kulakov, V.G. *Poeziya kak fakt. Stat'i o stikhakh* [Poetry as a fact. Articles about poetry]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
28. Sidorchenko, L.V. (2004) Al'fred Tennyson [Alfred Tennyson]. In: Sidorchenko, L.V. & Burova, I.I. (eds.) *Istoriya zapadnoevropeyskoy literatury. XIX vek. Angliya* [History of Western literature. The 19th century. England]. St. Petersburg – Moscow: St. Petersburg State University Faculty of Philology; Akademiya.
29. Tennyson, A. (2007) *Volsheb'nitsa Shalott i drugie stikhotvoreniya* [The Lady of Shalott and Other Poems]. Moscow: Tekst.
30. Kruzhkov, G.M. (2008) *Piroskaf: iz angliyskoy poezii XIX veka* [Pyroskaff: English poetry of the 19th century]. St. Petersburg: izdatel'stvo Ivana Limbakha.
31. Kruzhkov, G.M. (2009) *Izbrannye perevody* [Selected translations]. V. 1. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.
32. Kruzhkov, G.M. (2007) “Ya slyshu golos, govoryashchiy v vetre!” Zhizn' i poeziya Al'freda Tennysona [“I hear a voice speaking in the wind!” The life and poetry of Alfred Tennyson]. In: Tennyson, A. *Volsheb'nitsa Shalott i drugie stikhotvoreniya* [The Lady of Shalott and Other Poems]. Moscow: Tekst.
33. Pavshok, L.M. (2008) *Tvorchestvo Al'freda Tennysona: aspekty poetiki* [Creativity of Alfred Tennyson: aspects of poetics]. Philology Cand. Diss. Moscow.
34. Hardy, T. (1970) *Tess iz roda d'Erbervillyey. Dzhud Nezametnyy: Romany* [Tess of the d'Urbervilles. Jude the Obscure: Novels]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
35. Hardy, T. (1893) *Tess, naslednitsa d'Erbervillyey: Roman* [Tess of the d'Urbervilles. Jude the Obscure: Novels]. Translated from English by V.M.S.<passkaya>. *Russkaya mysl'*. Book III. pp. 43–82; Book IV. pp. 43–75; Book V. pp. 28–84; Book VI. pp. 33–115; Book VII. pp. 110–188; Book VIII. pp. 16–75.
36. Alekseev, M.P. (1978) *Perepiska Tomasa Gardi s ego russkoy perevodchitsej* [Correspondence of Thomas Hardy with his Russian translator]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House in 1976]. Leningrad: Nauka.
37. Tsur'yupa, V.P. (2013) *Floristicheskie obrazy v angliyskoy poezii* [Floral images in English poetry]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Kamchatka State University.
38. Tennyson, A. (2009) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from English by E.A. Solovkova. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.
39. Solovkova, E.A. (2009) *Predislovie perevodchika* [Preface of the translator]. In: Tennyson, A. *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from English by E.A. Solovkova. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.
40. Merkur'eva, V.A. (2007) *Mogila neizvestnogo poeta* [Unknown Poet's Grave]. In: Merkur'eva, V.A. *Tshcheta. Sobranie stikhotvoreniy* [Vanity. Collected Poems]. Moscow: Vodoley Publishers.
41. Minskiy, N.M. (2005) *In Memoriam*. In: Kobrinskiy, A.A. & Sapozhkov, S.V. *Russkie simvolisty: N.Minskiy, A.Dobrolyubov* [Russian Symbolists: N. Minsky, A. Dobrolyubov]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.
42. Sapozhkov, S.V. (2005) *Primechaniya [k razdelu “N.M.Minskiy”]* [Notes [to “N.M. Minsky”]]. In: Kobrinskiy, A.A. & Sapozhkov, S.V. *Russkie simvolisty: N. Minskiy, A. Dobrolyubov* [Russian Symbolists: N. Minsky, A. Dobrolyubov]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.
43. Akhmatova, A.A. (1946) *Izbrannye stikhi* [Selected Poems]. Moscow: Pravda.
44. Barskova, P.Yu. & Pozdnyakova, T.N. (2013) *Kommentarii* [Commentaries]. In: Ostrovskaya, S.K. *Dnevnik* [The Diary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
45. Girivenko, A.N. (1993) *Al'fred Tennyson v Rossii: k istorii vospriyatiya* [Alfred Tennyson in Russia: the history of perception]. In: *Materialy po istorii russkoy kul'tury XIX–XX vv.* [Materials on the history of Russian culture of the 19th and 20th centuries]. Bryansk: Bryansk State Pedagogical Institute.
46. Chernin, V.K. (2009) *Al'fred Tennyson i Rossiya: Iz istorii mezhdunarodnykh literaturnykh svyazey* [Alfred Tennyson and Russia: From the history of international literary relations]. Moscow: Flinta; Nauka.
47. Zhatkin, D.N. & Chernin, V.K. (eds.) (2014) *Al'fred Tennyson v russkikh perevodakh XIX – nachala XX veka* [Alfred Tennyson in Russian translations of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Flinta; Nauka.